

Научная статья
УДК 340.1+347.965
EDN SWUUDN

Цифровая инверсия профессиональных юристов: функции солиситоров и барристеров в условиях алгоритмизации права

Джамбулат Хамидович Сайдумов¹, Руслан Ахматович Джашеев²

¹Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия,
bulatto@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

²Карачаево-Черкесский филиал Московского университета «Синергия», Черкесск, Россия,
bottrus@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5660-9907>

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются аспекты трансформации правового поведения в условиях цифровой среды и ее влияние на профессиональную деятельность адвокатов и корпоративных юристов. Актуальность работы обусловлена стремительной цифровизацией общественных отношений, внедрением технологий Legal tech и Lawtech, необходимостью адаптации юридических профессий к новым требованиям.

Цель. Проанализировать изменения в функциях и компетенциях юристов, выявить ключевые вызовы цифровой эпохи и оценить перспективы эволюции профессии на примере зарубежного опыта (солиситоров и барристеров). Установить адаптацию традиционных требований профессиональной этики и стандартов, а также исторически сложившихся институтов правосудия к цифровизации.

Теоретические основы. В работе применяются сравнительно-правовой и исторический методы. Использованы системный анализ правовых норм, правоприменительная и судебная практика. С их помощью рассматриваются терминологические особенности понятий «юридические технологии» (Legal Tech), «правовые технологии» (Lawtech), «общее право», «англосаксонское право». Объясняется методологическое значение дифференциации указанных дефиниций. Проводится хронологическая оценка влияния на юридические профессии правовых реформ и совершенствования технологий в указанной сфере, в том числе внедрение генеративного искусственного интеллекта.

Результаты. Научные изыскания направлены на выявление ключевых направлений формирования правового поведения в цифровой среде, связанного с автоматизацией рутинных процессов, переходом к проактивному правовому консультированию, усилением роли данных и алгоритмов в принятии решений. Оцениваются прогнозы развития новых компетенций юристов: цифровой грамотности, знания принципов работы искусственного интеллекта, навыков управления киберрисками. Изучаются вызовы цифровой эпохи, в том числе связанные с защитой персональных данных, этическими проблемами использования нейросетей, конкуренцией автоматизированных систем. На примере институтов солиситоров и барристеров демонстрируется инверсия профессионального взаимодействия, ассоциированного с перераспределением функций между юристами разного профиля в условиях информатизации.

Выводы. Проведенное исследование ориентировано на прогноз эволюции юридической профессии в контексте технологического развития, разработку стратегии совершенствования правовых механизмов регулирования процессов современного инновационного давления. Особое внимание уделяется проблемам сохранения этических норм и соблюдению профессиональных стандартов в ходе электронной обработки данных. В заключительной части исследования обосновывается антропоцентрический дух правосудия.

Ключевые слова: правовое поведение, юриспруденция, цифровая трансформация, солиситоры, барристеры, автоматизация, общее право, англосаксонское право, юридические технологии, правовые технологии, генеративный искусственный интеллект

Для цитирования: Сайдумов Д. Х., Джашеев Р. А. Цифровая инверсия профессиональных юристов: функции солиситоров и барристеров в условиях алгоритмизации права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 31–41. EDN SWUUDN

Original article

Digital inversion of legal professionals: the functions of solicitors and barristers in the context of algorithmization of law

Dzhambulat Kh. Saidumov¹, Ruslan A. Dzhasheev²

¹Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, bulatto@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

²Karachay-Cherkessia branch of Moscow University "Synergy", Cherkessk, Russia, bottrus@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5660-9907>

Abstract

Introduction. The article examines the transformation of legal behavior within the digital environment and its impact on the professional activities of advocates and corporate lawyers. The relevance of the study is driven by the rapid digitalization of social relations, the implementation of Legal tech and Lawtech, and the necessity for legal professions to adapt to new requirements.

Purpose. The study aims to analyze changes in the roles and competencies of lawyers, identify key challenges of the digital age, and assess the prospects for the evolution of the profession using international experience (solicitors and barristers) as an example. Establish the adaptation of traditional requirements of professional ethics and standards, as well as historically established judicial institutions, to digitalization.

Theoretical foundations. The research employs the comparative legal and historical methods, as well as a systematic analysis of legal norms, law enforcement, and judicial practice. These methods are used to examine the terminological features of the concepts of "legal technology" (Legal Tech), "law technology" (Lawtech), "common law," and "Anglo-Saxon law." The methodological significance of differentiating these definitions is explained. A chronological assessment is conducted of the impact of legal reforms and technological advances in this area, including the introduction of generative artificial intelligence, on the legal profession.

Results. The scientific inquiry is directed at identifying key trends in the formation of legal behavior in the digital environment, specifically regarding the automation of routine processes, the transition to proactive legal consulting, and the increasing role of data and algorithms in decision-making. The author evaluates forecasts for the development of new legal competencies, including digital literacy, understanding AI and cyber-risk management skills. Challenges of the digital age are examined, such as personal data protection, ethical issues in the use of neural networks, and competition with automated systems. Using the institutions of solicitors and barristers as examples, the article demonstrates an inversion of professional interaction associated with the redistribution of functions between different types of lawyers under the influence of informatization.

Conclusions. The conducted research is aimed at forecasting the evolution of the legal profession in the context of technological development, and developing a strategy for improving legal mechanisms for regulating the processes of modern innovative pressure. Particular attention is given to the challenges of maintaining ethical norms and adhering to professional standards during electronic data processing. The conclusion substantiates the anthropocentric spirit of justice.

Keywords: legal behavior, jurisprudence, digital transformation, solicitors, barristers, automation, common law, Anglo-Saxon law, legal technology, law technologies, generative artificial intelligence

For citation: Saidumov D.Kh., Dzhasheev R.A. Digital inversion of the lawyers: the roles of solicitors and barristers in the context of algorithmization of law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(2):31–41. (In Russ.). EDN SWUUDN

Введение

Современное правовое пространство стремится к восприятию механизмов регулирования стремительно развивающихся цифровых технологий и процессов внедрения алгоритмов в повседневную жизнь, включая юридическую практику. Автоматизированные системы имеют потенциал преобразования традиционных правовых подходов на основе искусственного интеллекта и больших данных, что ставит перед доктринальными толкователями и правоприменителями вопросы о необходимости и последствиях такой алгоритмизации. Столкновение эпох наиболее наглядно прослеживается при сопоставлении высокотехнологических реформ с устойчивой правовой парадигмой солиситоров и барристеров, берущих свое начало в средневековой Англии и на данном этапе подвергающихся цифровой инверсии. Юридическая система Великобритании (Common Law) проходит период технологической адаптации, где комплекс классических юридических приемов дополняется цифровыми инструментами.

Для объективной оценки последствий этих событий необходимо обратиться к фундаментальным истокам английской правовой традиции. В трудах М. Н. Марченко разъясняется методологическая значимость дифференциации дефиниций «общее право» и «англосаксонское право» [1]. Автор исходит из тезиса, согласно которому английское право выступает генезисом и доктринальной основой всей англосаксонской правовой семьи, определяя юридическую архитектуру большинства англоязычных юрисдикций (при признании специфики смешанных правовых систем Шотландии и ЮАР). Релевантность освоения общего права ставится в прямую зависимость от изучения его английского первоисточника, поскольку до XVIII в. эволюция данной системы была детерминирована исключительно английскими правовыми институтами и традициями.

С учетом выбранной темы в настоящем исследовании отсутствует необходимость охвата всех национальных систем англосаксонской правовой семьи. Представляется достаточным ограничиться анализом особенностей права Англии и Уэльса, исконно сложившегося из решений королевских судов. Выбор этой модели связан с тем, что дуализм юридической профессии (солиситоры и барристеры) наиболее ярко иллюстрируют уязвимость юридических функций перед алгоритмизацией.

Деятельность солиситоров, ориентированная на анализ больших объемов документов и подготовку типовых соглашений, автоматизируется с помощью инструментов юридических (Legal tech) и правовых (Lawtech) технологий. Используемое в профессиональной среде юристов Англии и Уэльса технологическое устройство, именуемое «правовые технологии», находит применение и помогает улучшить или автоматизировать работу¹.

Несмотря на терминологическую близость, понятия «юридические технологии» и «правовые технологии» не тождественны.

Юридические технологии представляют собой специализированный инструментарий, разработанный для оптимизации профессиональной деятельности адвокатов и юристов.

Правовые технологии – это более широкое понятие, охватывающее не только профильное программное обеспечение, но и общие технологические возможности (системы облачного хранения данных, протоколы обмена информацией). К ним также относятся технологии, обеспечивающие доступ к правосудию, системы электронного документооборота и инструменты цифрового взаимодействия с доверителями (автоматизированные системы консультирования, чат-боты и др.).

Ввиду того, что понятие «юридические технологии» подпадает под инклюзивное определение «правовые технологии», профессиональная ассоциация солиситоров Англии

¹ Юридическое общество Англии и Уэльса. Введение в юридические технологии / Introduction to lawtech. The Law Society. 2025. URL: <https://www.lawsociety.org.uk/topics/ai-and-lawtech/introduction-to-lawtech> (дата обращения: 2 февраля 2026 г.).

и Уэльса предпочитает употреблять термин «правовые технологии», поскольку он охватывает все виды используемых в юридической сфере технологий¹.

Нужно учитывать, что современные сервисы Lawtech представляют собой обширный спектр задач и процессов в сфере правовой помощи, включая: инструменты, работающие на основе ИИ; системы управления соглашениями, автоматизирующие их обработку, согласование и заключение; генеративные функции ИИ, помогающие составлять юридические документы и заключения, вести переписку; автоматизированные системы регистрации обращающихся за помощью лиц, обеспечивающие цифровую идентификацию и верификацию (ID&V), проверку на соответствие требованиям по борьбе с отмыванием незаконно полученных доходов и финансированием терроризма (AML); видеоконсультации по юридическим вопросам, позволяющие дистанционно давать советы по правовым вопросам.

Предлагаются технологии, направленные на улучшение деловых процессов, в том числе: платформы для управления юридической практикой, помогающие вести дела, составлять счета и общаться с доверителями; инструменты комплаенса для защиты данных и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем; сервисы цифровой подписи, позволяющие удаленно и безопасно подписывать юридические документы; «гибридные технологии» для предоставления услуг посредством защищенных видеоконференций и обмена информацией; системы электронного выставления счетов, обеспечивающие точность и прозрачность финансовых операций.

Согласно наблюдениям Юридического общества Англии и Уэльса, продукты в сфере правовых технологий стремительно развиваются, особенно после внедрения генеративного искусственного интеллекта². Однако отмечаются и риски, сопряженные с использованием этой технологии. В частности, к ним относятся: проблемы, связанные с утечками данных, доступом третьих лиц и трансграничной передачей информации; технические сбои в работе ИИ, способные спровоцировать подготовку неточных и ошибочных ответов; недостаточная интеграция с существующими системами, которая может нарушить рабочие процессы и снизить их эффективность; отдельным категориям лиц бывает сложно получить доступ к системам в силу возраста, состояния здоровья и иных причин.

В свою очередь, работа барристеров традиционно сосредоточена на устных выступлениях и правовой аргументации в суде. Сегодня они сталкиваются с возможностями нейросетевого алгоритмического прогнозирования судебных решений, что модифицирует процесс подготовки к участию в заседаниях.

Таким образом, прослеживается конвергенция, при которой ИИ участвует в рутинной экспертизе солиситоров и влияет на высококвалифицированную практику барристеров.

До информационной трансформации разделение между профессиональными юристами было очерчено многовековой традицией, но с ее появлением размытие этих границ усилилось. Стали проявляться гибридные формы юридической практики. Реформы Лорда Вульфа, кардинально изменившие гражданское судопроизводство в Англии и Уэльсе, оставили свой отпечаток на концепции юридического представительства. Эти поправки способствовали ослаблению преимуществ статуса барристеров в процессе, законодательно расширив права солиситоров принимать участие в судебных заседаниях, что А.А. Селькова расценивает в качестве укрепления роли английского судьи [2]. Синергетический эффект указанных факторов обладает потенциалом к переосмыслению консервативной правовой парадигмы в обозримом будущем.

¹ Юридическое общество Англии и Уэльса. Введение в юридические технологии / Introduction to lawtech. The Law Society. 2025. URL: <https://www.lawsociety.org.uk/topics/ai-and-lawtech/introduction-to-lawtech> (дата обращения: 2 февраля 2026 г.).

² Там же.

Наблюдается постепенная адаптация традиций к требованиям диджитализации, характеризующейся гибкими и взаимопроникающими принципами. Хотя технологии в юридической практике используются с 1950-х гг., в последние годы их применение заметно расширилось благодаря внедрению передовых решений, таких как генеративный искусственный интеллект.

Теоретические основы

Актуальность исследования отмеченных аспектов обусловлена разработкой и обсуждением правовых технологий, предусматривающих возможности автоматического составления договоров, предсказательной аналитики судебных решений, чат-ботов для первичной правовой помощи и др. Изменение спроса на юридическую помощь в настоящее время требует высокой скорости принятия мер, прозрачности, что отражается на их стоимости с детерминацией условий к сохранению качества. К тому же алгоритмизация юридической аргументации провоцирует необходимость пересмотра укоренившихся профессиональных стандартов и этических норм.

В контексте актуальных проблем приоритетами научных исследований в обозначенной области должны стать: анализ инверсии роли юристов под воздействием информационно-коммуникационных технологий; выявление рисков и потенциала применения ИИ в профессии; прогнозирование сценариев адаптации юридических профессий к современным реалиям.

Для достижения целей поставлены следующие задачи: определить основополагающие технологии, влияющие на правоприменительную практику; проследить эволюцию традиционных функций юридических специальностей в цифровую эпоху; изучить вероятные последствия алгоритмизации юридической сферы, в том числе их отражение на качестве, доступности правосудия и профессиональной этики.

В результате теоретического дискурса необходимо выработать модели адаптации правовых механизмов к условиям нейросетевой инверсии юридической сферы. Актуальность этой задачи подтверждается трансформацией подходов к оценке судебных перспектив и динамикой работы судебных институтов.

Например, в интервью журналу «Законодательство» (2014 г.) лондонский барристер Е. Шостранд, специализирующаяся на гражданском праве более 15 лет, отметила, что английские адвокаты редко оценивают успех выигрыша по наиболее перспективным делам выше 70–75 % [3]. Тем временем согласно официальной статистике гражданского правосудия Министерства юстиции Великобритании в 2025 г. наблюдается тенденция к увеличению числа поданных исков и количества вынесенных судебных решений¹. Внедрение цифровых технологий, с одной стороны, стимулирует рост нагрузки на судебную систему за счет упрощения доступа и повышения прозрачности, с другой – укрепляет реалистичность прогнозов юристов, предоставляя инструменты для объективного анализа правовых рисков.

Сочетание этих явлений свидетельствует о роли системной информатизации юридической сферы. Основные направления и перспективы развития такого правового регулирования подробно освещаются в работе Д. А. Ловцова, который находит необходимым проведение исследований в области правовой информатики и информационного права в условиях формирования информационного общества и «цифровой» экономики [4, с. 26].

¹ Статистика гражданского правосудия за январь-март, апрель-июнь 2025 г. Министерства юстиции Великобритании / Civil Justice Statistics Quarterly: January to March, April to June 2025. Ministry of Justice UK // URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/civil-justice-statistics-quarterly-january-to-march-2025/civil-justice-statistics-quarterly-january-to-march-2025>; <https://www.gov.uk/government/statistics/civil-justice-statistics-quarterly-april-to-june-2025/civil-justice-statistics-quarterly-april-to-june-2025> (дата обращения: 25 января 2026 г.)

В рамках дискуссий о нормативно-этическом регулировании рассматриваемого вопроса примечательна позиция Комитета по искусственному интеллекту палаты лордов Великобритании, определившего допустимые границы автономности ИИ. Комитетом установлен запрет на действия ИИ, допускающие причинение вреда, уничтожение или обман людей [5].

Этот принцип основывается на взаимосвязанных подходах. Во-первых, разработка технологий должна быть направлена на расширение и поддержание независимости человека как субъекта правоотношений. Во-вторых, автономность ИИ подлежит ограничениям с возможностью оперативного отключения или перераспределения функций системы в случае угрозы ущемления чьих-либо прав или свобод. Формирующийся в процессе развития правовых технологий взгляд усматривает четкую иерархию ценностей с безусловным признанием суверенитета человека. ИИ воспринимается в качестве инструмента оптимизации рутинных процессов и обработки больших данных.

Научная оценка и конкретизация теоретических положений целесообразна на базе изучения зрелой правовой системы, где влияние цифровизации прослеживается на фоне устоявшихся юридических догматов. С учетом исконной глубины англосаксонской правовой традиции объектом исследования избрана система профессиональной юридической деятельности Англии и Уэльса, испытывающая воздействие алгоритмизации. Высокий запрос на правосудие в сочетании с консерватизмом профессиональных оценок делает британскую модель идеальной площадкой для изучения влияния этого феномена на классические институты, при сформировавшемся общем подходе судейского усмотрения. В связи с чем предметно данный процесс раскрывается на базе модификации функций солиситоров и барристеров, испытывающих влияние цифровых технологий.

В систематизации эффектов информационной инверсии правовой системы применительно к двум ключевым юридическим специальностям заключается научная новизна настоящей работы, воплощающаяся в формулировании критериев рассмотрения устойчивости профессиональных функций на фоне технологического развития. Выводы и заключения подобного рода исследований могут быть полезны профессиональным ассоциациям юристов при корректировке стандартов деятельности, организациям в планировании цифровой трансформации, регуляторам для разработки норм, определяющих порядок применения ИИ в ходе принятия правовых решений.

Независимо от наличия различий между системами писаного и прецедентного права осмысление зарубежного опыта в ракурсе рассматриваемой темы своевременно для сохранения правового суверенитета России на международной арене в процессе адаптации к условиям цифровизации. Концепция человеческой субъектности ориентирована на формирование «этического кодекса ИИ». Будущее любого правового государства связано тенденцией к смещению в сторону инновационного прогресса технологий с сохранением принципов безопасности, прозрачности и подотчетности.

Помимо традиционных угроз, алгоритмизация правовых процедур несет в себе универсальные для обеих систем риски нивелирования индивидуально-личностной природы юридической деятельности. Технологии генеративного искусственного интеллекта оказывают конвергентное (унифицирующее) воздействие как на институты английской системы общего права, так и на систему романо-германского типа, несмотря на специфику национальных правовых механизмов.

Результаты и обсуждение

Тема цифровой инверсии профессии юристов находится на пересечении основ теории права, технологий и общественной жизни, что делает ее востребованной в понимании перспектив правовой системы на стадии становления алгоритмического управления.

В переходный период ключевое значение приобретает модернизация системы подготовки юристов в соответствии с новыми технологическими реалиями.

Н. С. Посулихина подчеркивает уникальный подход к подготовке высококвалифицированных юристов в Великобритании, обеспечивающий выпуск кадров, соответствующих самым высоким международным стандартам [6].

Для получения статуса солиситора лицу, имеющему степень бакалавра, необходимо пройти специальное обучение и сдать квалификационные экзамены (Legal Practice Course), состоящие из двух этапов. Помимо общеправовых дисциплин, на втором этапе изучаются профильные отрасли, что позволяет будущим солиситорам выбрать подходящую специализацию.

Согласно канонам английской правовой системы, солиситоры выполняют роль консультантов. Они первыми взаимодействуют с доверителями, устанавливают суть запроса и могут представлять их интересы в судах первой инстанции. Однако для получения статуса барристера (адвоката высшего ранга) требуется прохождение специализированного курса подготовки с соблюдением стандартов аккредитации Bar Standards Board (BSB). После обучения предусмотрена двухгодичная стажировка.

М. Н. Марченко, опираясь на доктринальные исследования, констатирует, что для Англии характерно прецедентное право [1]. Решения Высокого, Апелляционного и Верховного судов Англии и Уэльса принимаются во внимание при подготовке и принятии законодательных актов; сами нормативные акты оцениваются судами с точки зрения их соответствия принципам общего права. Авторитет судебной системы наглядно иллюстрирует институт Королевской прерогативы, который основывается не на парламентских актах, а на судебных прецедентах [1].

Прецедентное право основано на принципе «stare decisis» («стоять на решенном»), согласно которому суды следуют ранее принятым решениям по аналогичным делам. Полная оцифровка банка судебных решений позволит алгоритмам ускорить поиск релевантных прецедентов, анализируя тексты актов для установления ключевых фактов и правовых позиций.

Нейросетевые помощники способны выявлять тенденции в судебной практике, что полезно при подготовке солиситоров и барристеров к делам. Подобные технологии позволяют системам машинного обучения выстраивать модели правоприменения на основе изученных документов.

Вместе с тем пересмотр, отмена или уточнение норм высшими инстанциями ставит перед разработчиками программного обеспечения задачи по распознаванию времени принятия, смысла и иерархии судебных актов, а также онлайн-обновления базы данных прецедентов и алгоритмов их обработки. С осторожностью стоит относиться к использованию ИИ для принятия итоговых решений – это может спровоцировать унификацию и снижение гибкости правосудия, в то время как индивидуальный подход имеет для прецедентного права основополагающее значение.

Трудности толкования судебных актов и развитие автоматизации рутинных процессов меняют подход к правовому мышлению. Интеграция ИИ в правовую среду инициирует глубокую трансформацию юридических профессий, выдвигая на первый план навыки валидации и критической интерпретации алгоритмических выводов. Этот процесс носит системный характер и требует переосмысления классических принципов деятельности в цифровых реалиях. Современные компьютерные технологии не замещают основы гласности и непосредственности судопроизводства, а поддерживают развитие электронного правосудия.

Тем не менее полная цифровизация правосудия невозможна в аспектах, требующих этической оценки и волевого участия человека. Сохранению антропоцентрического характера системы способствуют как стандарты профессиональной этики – BSB Handbook для барристеров Англии и Уэльса [7], так и исторически сложившиеся институты. Концепция «Королевского мира» (King's peace), ставшая фундаментом публичного правопорядка после 1066 г., и развившийся позднее институт «сделок с правосудием» (plea bargaining) базируются на принципах дискреции и личного участия сторон [8]. Переговоры о квалификации деяния и мере наказания – это область глубоких этических компромиссов, относящихся

к исключительной прерогативе человека. Независимо от аналитического потенциала нейросетей, их роль в работе солиситоров и барристеров ограничивается функциями интеллектуального инструментария, наряду с электронными библиотеками прецедентов. Практическое применение ИИ в правовой сфере допустимо при условии строгого контроля со стороны профессионального юриста.

Некоторые авторы полагают, что в современных условиях адвокатура обладает значительным потенциалом стать базовой моделью цифрового диалога между обществом и государством [9, с. 223]. Четкая внутренняя структура, опыт в публично-правовой и экономической сферах создают основу для внедрения новых стандартов информационного взаимодействия. Однако реализация этого потенциала сталкивается с проблемами защиты персональных данных, необходимостью сохранения адвокатской тайны и освоения участниками новых форм коммуникаций.

Цифровая трансформация правового поля предполагает масштабный перевод традиционных процедур в электронный формат: онлайн-консультации, формирование электронных досье, интеграция с государственными информационными системами, активное использование электронных каналов обмена данными – от специализированных приложений и программ до видеоконференций.

Требования к сохранению адвокатской тайны устанавливают императивные рамки защиты конфиденциальности информации, начиная с самого факта обращения к адвокату. Запрет разглашения всех сведений, ставших известными адвокату, содержания консультаций и документов, а также персональных данных доверителя не имеет сроков давности.

Цифровая инверсия юридических профессий в условиях алгоритмизации права сопряжена с рядом рисков. В технологическом плане – это, в первую очередь, уязвимость цифровых платформ. Не исключается вероятность хакерских атак, утечек данных через сервисы специализированных приложений и облачного хранения, перехвата трансляций при использовании видео-конференц-связи.

Правовое регулирование вопросов, связанных с защитой обмена информацией между адвокатом и доверителем в цифровой среде, характеризуется пробелами в части ответственности разработчиков ПО и соблюдения ими стандартов кибербезопасности, отвечающих высоким требованиям адвокатской тайны. В настоящее время отсутствуют конкретные нормативные требования к разработчикам приложений, программного обеспечения, облачных сервисов, CRM-систем, гарантирующих технический иммунитет для такой информации. Очевидно, что рекомендаций национальных и международных ассоциаций юристов по указанным вопросам недостаточно, поскольку они не являются обязательными для разработчиков программных продуктов по обмену информацией и не возлагают на них ответственность за нарушение конфиденциальности адвокатской деятельности. Применение инструментов искусственного интеллекта или облачных платформ для обработки документов доверителей законом не запрещено, но и не защищено специальными нормами, что создает риск автоматического отказа от привилегии (*waiver of privilege*). Проблема заключается в том, что адвокатская тайна представляет собой процессуальную гарантию, поэтому в цифровом пространстве она нуждается в утверждении технико-правовых стандартов, обязывающих разработчиков программных обеспечений интегрировать уникальные инструменты защиты с учетом специфики адвокатской работы.

Нельзя игнорировать и человеческий фактор: ошибки при отправлении электронных писем, неосознанное использование незащищенных каналов связи, недостаточная киберграмотность участников этого процесса.

Для минимизации указанных рисков и сохранения профессиональной тайны в цифровую эпоху необходим комплексный подход. Во-первых, требуется уточнение нормативного регулирования института защиты адвокатской тайны в информационной среде, закрепление гарантий конфиденциальности при использовании ВКС и иных электронных технологий,

а также введение ответственности за несанкционированный доступ к цифровым архивам адвокатов. Во-вторых, автоматизация рутинных процессов должна основываться на сертифицированных средствах криптографической защиты, верификации документов и создании изолированного цифрового пространства для обмена конфиденциальной информацией. В-третьих, наконец, важно обеспечить обучение профессиональных юристов основам кибербезопасности, повысить осведомленность доверителей об особенностях и рисках онлайн-взаимодействия.

Тем самым реализация цифрового потенциала солиситоров и барристеров, как и в целом представителей аналогичных юридических профессий других стран, осуществима при соблюдении условий адвокатской тайны. Этого требуют системная синхронизация процессов цифровизации и правового регулирования, применение передовых технологических решений (генеративный искусственный интеллект) и формирование культуры конфиденциальности. Такой подход позволит сохранить доверие к правосудию и предоставит полноценный доступ к квалифицированной юридической помощи на базе современных инновационных возможностей.

Заключение

Процесс интеграции профессиональных юристов в условия цифровой гегемонии представляет собой сложную задачу для представителей гуманитарного профиля, что объясняется традиционным дуализмом образовательных парадигм. Дисциплины математического и информационного цикла исторически дистанцированы от юридической науки и практики, вследствие чего специалисты испытывают объективные затруднения при адаптации к современным программным комплексам и онлайн-платформам. По мере распространения правовых технологических продуктов представителям юридических профессий понадобятся новые навыки и опыт, чтобы оставаться востребованными и конкурентоспособными на рынке труда.

Не теряют своей актуальности опасения адвокатского сообщества, связанные с обеспечением фундаментальных гарантий сохранения профессиональной тайны, конфиденциальности и защищенности данных, обрабатываемых в информационном пространстве.

Обозначенная проблема приобретает особое значение. В Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г.¹ закреплены основополагающие принципы защиты данных, хранящихся в автоматизированных файлах, подвергающихся обработке, включающей в себя следующие операции: хранение данных, осуществление логических и (или) арифметических операций с этими данными, их изменение, уничтожение, поиск или распространение. В научной литературе указывается на необходимость внедрения механизмов «прозрачности» использования персональных данных, обеспечения гарантий их безопасного использования и контроля над ними [10].

Незыблемость основополагающих норм и обычаев, включая неписаные источники конституционализма, исключает споры о праве на защиту. В связи с этим интеграция информационно-коммуникационных технологий в правоприменительную деятельность не должна создавать препятствий или каким-либо образом дискредитировать этот базовый принцип. Он не подлежит произвольному пересмотру или отмене, так как воплощает консенсус общества в аспектах незыблемости торжества справедливости и суверенитета законных интересов субъектов правоотношений.

Право на защиту является имманентным свойством демократического режима, действующего на основе легитимных норм, в том числе формирующихся судебным прецедентом.

Цифровая трансформация правоприменительной деятельности не должна угрожать подрывом указанного принципа. Технологический прогресс призван служить укреплению законности, обеспечивая эффективную, доступную и предсказуемую реализацию права на защиту.

¹ Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных ETS № 108 (Страсбург, 28 января 1981 г.). Вступила в силу для Российской Федерации 1 сентября 2013 г. ИПС Гарант (дата обращения: 6 февраля 2026 г.).

В последнее время правоведами выдвигаются предложения о разработке правил поведения адвокатов при использовании цифровых технологий [11, с. 222–223]. Эти идеи соответствуют практическим способам реализации квалифицированной правовой защиты и все чаще находят отражение в правовом мышлении¹.

Обозначенные принципы имеют интернациональное значение². Современные международные акты (Туринские принципы UIA, Кодекс ССВЕ) закрепляют статус веб-сайта в качестве неотъемлемой части адвокатской инфраструктуры и устанавливают баланс между свободой цифрового позиционирования, императивом соблюдения профессиональной тайны и правил добросовестной рекламы [12].

Нормативный баланс необходим в реализации публично-правового характера адвокатской деятельности. Несмотря на расширение маркетинговых возможностей, правовую помощь нельзя воспринимать исключительно как юридическую услугу в контексте коммерческой деятельности. Обеспечение доступа к правосудию не должно приобретать черты регулируемого рынка услуг. Только независимость профессии, высокий уровень подготовки и профессиональных компетенций в сочетании с этическими нормами гарантируют каждому квалифицированную судебную защиту.

По мнению Юридического общества Англии и Уэльса, правовые технологии никогда полностью не заменят солиситоров³, добавим от себя, и барристеров. Традиционные модели оказания правовой помощи по-прежнему сохраняют свой статус-кво. Технологии могут стать инструментами для более быстрого и качественного ее предоставления, оптимизации взаимодействия с доверителями, ведения делового оборота и т.д. Но, как и прежде, именно юристы несут ответственность за соблюдение высоких профессиональных стандартов.

Список источников

1. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Глава VIII (параграф 4). М.: Проспект. 2016. 640 с. ISBN:978-5-392-18465-1
2. Селькова А. А. Применение принципа *jura novit curia* английскими судами: реальность или иллюзия? // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 36–39. <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-4-36-39>. EDN: CRZNFХ
3. Шостранд Е. Актуальные проблемы английского правосудия и гражданского судопроизводства; [беседу вела Г. Д. Улетова] // Законодательство. 2014. № 9. С. 60–64. (Редакционная гостиния). ИПС Гарант. <https://base.garant.ru/57516646/> (дата обращения: 25 января 2026).
4. Ловцов Д. А. Теоретические основы системной информатизации правового регулирования // Правовая информатика. 2019. № 4. С. 12–28. EDN: PMFZCB
5. Харитонов Ю. С. Принципы разработки технологий искусственного интеллекта и их правовое закрепление в России и за рубежом // Законодательство. 2024. № 11. С. 45–54. https://doi.org/10.58741/16818695_2024_11_45. EDN: NGSUXB
6. Посулихина Н. С. Юридическое образование в зарубежных странах / Введение в профессию юриста: учебное пособие (под ред. А.С. Ермоленко, М.В. Самсоновой, И.И. Черных). Глава II (параграф 2). М.: Инфотропик Медиа, 2023.
7. Шварц О. Принцип добросовестности в деятельности адвоката: зарубежный опыт // Сетевое издание «Адвокатская газета». 2022. № 9. ИПС Гарант (дата обращения: 30 января 2026 г.).

¹ Например, решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 г. (протокол № 7) утверждены Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». 2016. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-of-conduct-for-lawyers-in-the-information-telecommunication-network-internet/> (дата обращения: 7 февраля 2026 г.).

² Международные принципы поведения специалистов в области права в социальных сетях (International Principles on Social Media Conduct for the Legal Profession), принятые Советом Международной ассоциации юристов (International Bar Association). URL: <https://www.ibanet.org/MediaHandler?id=27ebac25-0d13-4318-a1c4-6b751aca935f> (дата обращения: 7 февраля 2026 г.).

³ Юридическое общество Англии и Уэльса. Введение в юридические технологии / Introduction to lawtech. The Law Society. 2025. URL: <https://www.lawsociety.org.uk/topics/ai-and-lawtech/introduction-to-lawtech> (дата обращения: 2 февраля 2026 г.).

8. Семькина О. И. Модели «сдельного правосудия» в уголовном судопроизводстве зарубежных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. № 6. С. 103–119. <https://doi.org/10.61205/S199132220034186-0>. EDN: FOJRLK
9. Приженникова А. Н. Цифровые технологии в практической деятельности адвоката // Образование и право. 2020. № 5. С. 223–226. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10539>. EDN: DNFFVB
10. Право цифровой среды (монография) / Коллектив авторов; под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. 896 с. ISBN:978-5-392-36023-9
11. Коган М. И. Обеспечение сохранения адвокатской тайны при использовании адвокатом современных технологий и электронных девайсов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 218–223. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.218-223>. EDN: FEKRAJ
12. Шварц О. Маркетинг адвокатской деятельности: зарубежный опыт и возможность его применения в России // Сетевое издание «Адвокатская газета». 2022. № 15. ИПС Гарант (дата обращения: 7 февраля 2026 г.).

References

1. Marchenko M.N. *Theory of State and Law*: textbook. 2nd ed., revised and enlarged. Chapter VIII (paragraph 4). Moscow: "Prospect"; 2016. 640 p. ISBN:978-5-392-18465-1 (In Russ.)
2. Selkova A.A. Application of the principle of *jura novit curia* by English courts: reality or illusion? *Russian Law Journal*. 2020;(4):36–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-4-36-39>. EDN: CRZNFX
3. Shostrand E. Actual problems of English justice and civil proceedings; [the conversation was conducted by G.D. Uletova]. *Practical journal for managers and lawyers "Legislation"*. 2014;(9):60–64. (In Russ.). Available from: <https://base.garant.ru/57516646/> (Accessed 25 January 2026).
4. Lovtsov D.A. Theoretical foundations of systemic informatization of legal regulation. *Legal Informatics*. 2019;(4):12–28. (In Russ.). (In Russ.). EDN: PMFZCB
5. Kharitonova Yu.S. Principles of development of artificial intelligence technologies and their legal consolidation in Russia and abroad. *Legislation*. 2024;(11):45–54. https://doi.org/10.58741/16818695_2024_11_45. EDN: NGSUXB
6. Posulikhina N.S. Legal education in foreign countries. In: *Introduction to the legal profession*: a textbook: (edited by A.S. Ermoolenko, M.V. Samsonova, I.I. Checherin). Chapter II (paragraph 2). Moscow: Infotropic Media. 2023. 676 p. (In Russ.).
7. Schwartz O. The principle of good faith of a lawyer: foreign experience. Online publication "Advocate Newspaper". 2022;(9). (In Russ.).
8. Semykina O.I. Models of "piecework justice" in criminal proceedings of foreign countries. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2025;(6):103–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.61205/S199132220034186-0>. EDN: FOJRLK
9. Prizhennikova A.N. Digital technologies in the practical activities of a lawyer. *Education and Law*. 2020;(5):223–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10539>. EDN: DNFFVB
10. *Law of the Digital Environment* (monograph) / collective of authors; edited by T.P. Podshivalov, E.V. Titova, E.A. Gromova. Moscow: "Prospect"; 2022. 896 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-392-36023-9
11. Kogan M.I. Ensuring the Preservation of Attorney-Legal Confidentiality When a Lawyer Uses Modern Technologies and Electronic Devices. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020;(11):218–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.218-223>. EDN: FEKRAJ
12. Schwartz O. Marketing of legal activities: foreign experience and the possibility of its application in Russia. *Advocate Newspaper*. 2022;(15). (In Russ.).

Информация об авторах

Д. Х. Сайдумов – доктор юридических наук, старший научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Р. А. Джашеев – аспирант, Карачаево-Черкесский филиал Московского университета «Синергия».

Information about the authors

D. H. Saidumov – Dr. Sci. (Law), Senior Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

R. A. Dzhasheev – Postgraduate Student, Karachay-Cherkessia branch of Moscow University "Synergy".

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. **Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 06.05.2026. The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 06.05.2026.